
И это он виноват, что у него нет сельской прописки? Сидя за столом и изучая информацию, Чу Пэнмай тяжело вздохнул, подперев щеку рукой.

Не знал — не страдал, а как начал разбираться, так ужаснулся. Открыть ферму оказалось не так-то просто. Он не соответствовал даже первому требованию — у основателя должна быть сельская прописка...

Народность шуйи, к которой он принадлежал, была довольно самобытной. Ко времени освобождения многие их деревни всё ещё жили по законам матриархата, и обычаи, по которому женщина была главой семьи, сохранился до сих пор. Женщины «женились» на мужчинах. Его мать вышла замуж за его отца-горожанина, а его бабушка была матерью его матери.

Когда его мать была беременна, она очень надеялась на дочь и даже придумала ей имя — Юйсян. Но когда родился мальчик... она тут же потеряла к нему интерес и даже имя предоставила выбирать отцу.

Его отец, перерыв «Книгу песен» и «Чуские строфы», нашёл строку «Я иду по полям, где пышно растёт пшеница» и назвал его Чу Пэнмай, надеясь, что он будет таким же здоровым и сильным.

А его мать, посчитав, что в деревне плохое образование, оформила ему городскую прописку, чтобы он мог учиться в городе.

Выписаться из деревни было легко, а вот вернуться обратно — сложно. После смерти матери у него не осталось прямых родственников с сельской пропиской. Чтобы снова её получить, ему нужно было заняться возрождением деревни, помочь односельчанам разбогатеть, и только после успешного голосования всей деревни он мог бы получить прописку...

Чу Пэнмай почувствовал, как у него зашевелились волосы на голове. Уставившись на «Положение об управлении пропиской КНР», он пробормотал:

— Придётся сначала оформить ферму на бабулю, а через десять лет, когда я возрожу деревню, верну себе всё, что мне принадлежит!

Система не удержалась от ехидного комментария.

— Да брось ты, если не выполнишь задание, через год умрёшь. Какое ещё возрождение деревни?

Чу Пэнмай почесал в ухе, пропуская её слова мимо, и снова погрузился в изучение вопроса об открытии фермы.

Кроме прописки, для открытия фермы требовалось пройти обучение по сельскохозяйственным технологиям, получить сертификат, а также иметь в распоряжении не менее нескольких десятков му земли и подтверждение наличия оборотных средств на сумму свыше ста тысяч юаней.

Эх, придётся завтра сходить в деревню и всё разузнать.

Утром, когда солнце окрасило землю в золотой цвет, а птицы на баньяне уже вовсю щебетали, Чу Пэнмай, едва выйдя из дома, понял, что его болтливая бабуля уже растрепала о его планах всей деревне.

Дальняя двоюродная тётушка, с корзиной на плече спешившая на рынок, похлопала его по плечу.

— Сянсян, слышала, ты ферму открывать собираешься? У вас, образованных, всегда идеи интересные.

Третий дядюшка, выгуливавший птиц под баньяном, присвистнул.

— Сянсян, давай, дядюшка ждёт, когда ты деревню возродишь!

А молодёжь, игравшая в волчок у входа в деревню, и вовсе начала его поддразнивать.

— Сянсян, вперёд! Мы за тебя проголосуем, стопроцентная явка обеспечена!

Чу Пэнмай: ...

Почему-то стало немного стыдно. Как быть?

Бросив на компанию с волчком испепеляющий взгляд, Чу Пэнмай, понуриив голову, направился к дому старосты их деревни Кошачья Голова.

Традиционные бамбуковые дома хоть и выглядели красиво, но жить в них было не так комфортно, как в современных постройках. Семья старосты уже отстроила несколько больших кирпичных домов, лишь внешне сохранив традиционный стиль.

В центре деревни стояли храм и ступа. Дом старосты находился недалеко от храма. Чу Пэнмай, миновав белую ступу и пройдя через банановую рощу и пальмировую пальму, окружавшие

храм, оказался на месте.

У них было не принято стучать. Чу Пэнмай просто крикнул:

— Мимань, мать деревни, староста!

Через мгновение окно на втором этаже распахнулось, и из него выглянула довольно строгая на вид пожилая женщина. Увидев Чу Пэнмая, она улыбнулась.

— А, Сянсян, долг пришёл вернуть?

Чу Пэнмай потерял дар речи.

Система хихикнула.

— Ха-ха-ха, не забывай, у тебя ещё миллион сто восемьдесят тысяч долга. Больше всего ты должен семье старосты — больше четырёмсот тысяч.

Собрав всё своё наработанное в городе нахальство, Чу Пэнмай почесал в затылке.

— Эм, деньги я скоро верну. Я сегодня пришёл по поводу аренды земли.

Выражение лица Матери деревни снова стало серьёзным.

— А, ну тогда поднимайся.

Чу Пэнмай, скрепя сердце, поднялся наверх и сел на бамбуковую циновку у очага.

— Мать деревни, — осторожно начал он, — кто-нибудь в деревне сдаёт землю в аренду? И какие примерно цены?

— Тебе каучуковый лес или кукурузное поле? — Мать деревни надела очки для чтения и, взяв лежавшую рядом тетрадь, начала её листать.

Сейчас натуральный каучук стоил недорого, а выращивание зерновых и вовсе держалось на государственных субсидиях. Чу Пэнмай опустил голову.

— Эм, я бы хотел арендовать землю под экономические культуры: клубничное поле, огород или чайную плантацию. И площадь побольше, му эдак несколько десятков.

— Говорят, ты ферму хочешь открыть. Значит, правда, — Мать деревни нахмурилась, явно не одобряя его затею. — Сянсян, аренда одного му леса стоит всего несколько сотен юаней в год, а земля под экономические культуры — от полутора до двух с половиной тысяч. Аренда пятидесяти му обойдётся тебе в восемьдесят-сто тысяч в год. У тебя сейчас есть такие деньги?

— Кхм, да и не факт, что кто-то захочет тебе сдавать, у твоей семьи ведь столько долгов. Если есть деньги, лучше сначала долги верни. Моя дочь недавно нашла себе парня, скоро свадьба, нам тоже деньги нужны.

Чу Пэнмай, чьи активы на самом деле были в глубоком минусе, улыбнулся.

— Да, да, как только появятся, сразу верну. Спасибо, мать деревни! До свидания, мать деревни! Я пойду!

Сложив руки в молитвенном жесте и поклонившись, Чу Пэнмай поспешно спустился вниз и пошёл домой. Похоже, сначала придётся разобраться с долгами.

Для аренды земли нужны были деньги, для подтверждения финансовой состоятельности — тем более. А после открытия фермы понадобятся средства на саженцы, наёмных рабочих, строительство инфраструктуры... Деньги, деньги, деньги!

Чу Пэнмай, чей капитал составлял всего 8000 юаней: «Хнык-хнык, система была права, я настоящий нищеврод, такой бедный...»

Пиная камушки по дороге, он бормотал:

— Пойду-ка я сначала на курсы по сельскому хозяйству. Они государственные, бесплатные.

Система прошептала дьявольским голосом:

— Миллион сто восемьдесят тысяч, миллион сто восемьдесят тысяч, миллион сто восемьдесят тысяч... Не вернёшь долги, никто тебе землю не сдаст.

— Тебя никто за язык не тянет, — Чу Пэнмай начал загибать пальцы. — Осталось всего миллион тридцать тысяч! Сто тысяч за первое задание, плюс сорок с лишним тысяч компенсации. Остальное я быстро верну.

— Ну-ну, посмотрим, как ты это сделаешь, — усмехнулась система.

— Ты мне и поможешь, — холодно бросил Чу Пэнмай.

...

На следующий день система спросила:

— Ну что, где деньги?

Чу Пэнмай, валяясь на кровати и поедая клубнику, ответил:

— Ещё пару дней.

Через неделю система снова спросила:

— Где деньги?

Чу Пэнмай, купивший дождевальную установку и ещё больше ушедший в минус, ответил:

— Скоро, скоро. Заработаю, когда пойду на курсы.

Через полмесяца система смерила его взглядом дохлой рыбы.

— Когда ты пойдёшь на курсы?

Чу Пэнмай, сидя у поля и играя в телефон, пока дождеватель поливал грядки, ответил:

— Как только погода...

Механический голос системы стал твёрдым как сталь.

— Ещё будешь тянуть! Ещё будешь тянуть, и я напишу всем твоим кредиторам, что у тебя появились деньги!

Чу Пэнмай кашлянул.

— Ладно, ладно, завтра пойду.

— Посмотрим, как ты за короткое время заработаешь миллион, — усмехнулась система.

И она смотрела, смотрела... и увидела, как Чу Пэнмай после окончания курсов, сев на свой электроскутер, поехал не домой, а в ювелирный магазин в городе, где достал до боли знакомый

флакончик и спросил у владельца, сколько он стоит.

Система: ???

Это же, чёрт возьми, нефритовый флакон из-под пилюли!!!

— Как ты можешь его продавать! Даже если это самый паршивый нефрит в мире совершенствующихся, для мира людей это сокровище! Продать его за бесценок — кощунство!
— система взорвалась и начала истошно вопить в голове у Чу Пэнмая.

Чу Пэнмай, давно не слышавший этого шума, на секунду скривился, но продолжил спрашивать у владельца магазина:

— Здравствуйте, вы скупаете нефрит? Можете оценить?

— Что-то скупаем, что-то нет, зависит от качества, — владелец магазина за прилавком взял лупу и, взглянув на флакончик в руках Чу Пэнмая, тут же просиял.

Какая вещь!

Судя по его многолетнему опыту, этот флакончик был сделан из хотанского нефрита высшего сорта, «бараньего сала». Такая текстура, такой цвет... а вдруг это ещё и антиквариат!

В душе у него всё затрепетало, но на лице он не показал и вида. Улыбнувшись, он взял флакончик.

— Давайте я сначала посмотрю.

Едва взяв флакончик в руки, он понял, что сорвал джекпот. Хотя это и не антиквариат, что значительно снижало цену, но если придумать красивую историю, разве не найдётся дурак, который купит?

Что-нибудь вроде: «Прапрабабушка, предводительница деревни шуйи времён династии Цин, влюбилась в знатного господина с юга, приехавшего в их края. Он подарил ей этот флакончик в знак любви. Семья хранила его сотни лет, но теперь, из-за нужды, потомки вынуждены продать семейную реликвию».

А зачем знатный господин приехал в их глушь и почему подарил именно флакончик — это неважно.

Потом он полистает исторические книги, поищет подходящих персонажей. Мысли владельца

магазина неслись со скоростью света, а вслух он сказал:

— Это современная работа, вещь новая. Документы есть? Без документов она ничего не стоит. Могу дать десять тысяч.

Чу Пэнмай заподозрил, что его пытаются надуть.

Но он ещё не успел разозлиться. Система разозлилась первой, увеличив громкость вдвое, и начала нести чушь:

— Этот старик тебя обманывает! Флакон стоит как минимум миллион! Он, невежественный спекулянт, хочет дешёво его купить, придумать историю и перепродать! Неудивительно, что в его возрасте у него уже импотенция!!!

Чу Пэнмай: ...

Он молниеносно выхватил флакончик из рук владельца магазина и искренне сказал:

— Послушайте, я тоже разбираюсь. Назовите честную цену.

Что поделать, в их краях был популярен жадеит, и это был единственный магазин, скупавший нефрит.

— Честная цена, я тебя не обманываю, — солгал владелец магазина.

Чу Пэнмай, опираясь одной рукой на стол, вскочил со стула, достал телефон и начал обзванивать дальних родственников.

Через некоторое время вход в магазин окружили двадцать с лишним крепких мужчин в традиционной одежде шуи с большими ножами на поясе.

Во главе их стояла молодая девушка, с красивыми чертами лица, здоровой смуглой кожей, с цветком франжипани в волосах, одетая в синюю короткую рубашку без воротника с узкими рукавами и цветную юбку. Она решительно вошла в магазин.

— Сестра Юйчжан! — крикнул ей Чу Пэнмай.

Девушка встала рядом с ним и, положив нож на прилавок, сказала на языке шуи:

— Эй, не смей обманывать наших! Наша деревня бедная, но людей у нас много.

Зрачки владельца магазина сузились, и он отступил на шаг. Чёрт, откуда у них ножи?

Из какой они деревни, такие дикие, законов не знают! Такой длинный нож, до смерти напугать можно! Он вызовет полицию!

<http://bllate.org/book/16995/1581398>